

И. Эндзелинъ.

Къ литовской акцентуаціи

И

ИМЕНИТ. ПАД. МНОЖ. Ч. ОСНОВЪ НА -О.

ПЕТРОГРАДЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 л., № 12.

1917.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Январь 1917 г.

Непремѣнный Секретарь академикъ С. Ольденбургъ.

Къ литовской акцентуаціи и именит. пад. множ. ч. основъ на -о.

Уже въ своихъ «Славяно-балтійскихъ этюдахъ» 138 сл. я указалъ, что пѣтъ ни надобности, ни возможности считать литовское окончаніе -ai въ имен. пад. множ. ч. основъ на -о первоначально свойственнымъ основамъ средняго рода; ср. также Lietuvių Tauta II 289 и IF XXXIII 125. Въ балтійскихъ и славянскихъ языкахъ находимъ — какъ и въ греческомъ, латинскомъ и кельтскомъ — переносъ въ именную флексію мѣстоименнаго окончанія имен. п. множ. ч. основъ на -о муж. рода; значитъ, наприм., прабалт. *vilkaī «волки» точно соответствовало праслав. *vьlci. Послеъ только что упомянутаго переноса въ прабалтійскомъ замѣнь стараго *tai (=готск. þai и греч. διαί) «тѣ» (муж. р.) возникло новообразование *tei (откуда лит. tiẽ и лтш. tiē) подъ вліяніемъ формъ *šeī (откуда лит. šiẽ) «эти» (муж. р.) и *jei (откуда лит. jiẽ) «они», издавна оканчивавшихся на -ei (ср. Hujer Sborník filologický II 196 сл.); *tei «isti, illi»: *tās «istae, illae» = *jei «ii», *šeī «hi»: *jās «eae», *šjās «hae» (подобно этому въ восточнолатышскихъ говорахъ при родит. п. tuo изъ tā «того» замѣнь стараго tas «тотъ» возникла новая форма имен. п. tis подъ вліяніемъ отношенія родит. п. juo изъ *jā «его» къ имен. п. jis «онъ»). Въ литовско-латышскомъ, а отчасти и въ древне-прусскомъ, это мѣстоименное окончаніе -ei (откуда литовско-латышское -ie) затѣмъ проникло также въ склоненіе прилагательныхъ. Что же касается различія въ интонаціи между литовскими формами вродѣ tiẽ «тѣ» изъ *tiẽ (= лтш. tiē) и gerì «хороши» изъ *geriẽ съ одной стороны и формами вродѣ vilkaī «волки» съ другой стороны, то въ «Славяно-бал-

тійскихъ этюдахъ» 143 сл. мною уже указано, что *vilkai* могло чисто фонетически получиться изъ *vilkái (ср. греч. *ἄεσι* и др.); въ такомъ случаѣ формы вродѣ *vaĩtai*¹⁾ «ворота» (вмѣсто ожидаемаго *vartaĩ изъ *vartái) слѣдуетъ считать новообразованіями (подобно формамъ будущаго времени вродѣ *kèpsiu* «буду печь» вмѣсто *kepsiù*, сохранившагося въ восточно-лит. говорахъ); имен. п. *vaĩtai*: род. п. *vaĩtũ*, дат. п. *vaĩtams* и др. = имен. п. *kraštaĩ* «берега»: род. п. *kraštũ*, дат. п. *kraštams* и др.; а вин. п. *vartùs*: имен. п. *vaĩtai* = вин. п. *dangùs* «небеса», *vagis* «воровъ», *rankàs* «руки» и др.: имен. п. *daĩgũs*, *vāgys*, *raĩkos* и др.

Что литовскіе имен. п. вродѣ *dievaĩ* «боги» собственно формы средняго рода, это Meillet MSL XV, 73 доказывалъ также ихъ окончательнымъ удареніемъ и употребленіемъ въ балтійскихъ языкахъ формы III лица единств. ч. также вмѣстѣ старой формы III лица множ. ч. Но, какъ мною уже было указано въ «Славяно-балтійскихъ этюдахъ» 139 сл., замѣну формы III лица множ. ч. формою III лица единств. ч. можно объяснить, вовсе не считая лит. *dievaĩ* формою средняго рода. Meillet же, отстаивая MSL XIX, 81 сл. свое прежнее мнѣніе по этому вопросу, выражается I. с. 82 объ этомъ слѣдующимъ образомъ: «la doctrine de M. Endzelin... suivant laquelle le letto-lituanien aurait confondu les 3-es personnes du singulier et du pluriel pour échapper à la confusion—nullement gênante—de la 3-e personne du pluriel et du gérondif est évidemment inadmissible».

Моя гипотеза о причинахъ балтійскаго совпаденія формъ III лица единств. и множ. ч. была бы дѣйствительно «очевидно недопустима», если бы она основывалась на совпаденіи формъ III лица множ. ч. и «герундива» (подъ этимъ терминомъ Meillet, вѣроятно, разумѣетъ «Gerundium» Куршата Gramm. d. lit. Spr. § 1070, т. е. несклоняемую форму причастія наст. времени на -nt): во-первыхъ, въ такомъ случаѣ никакого совпаденія не было бы, такъ какъ старая форма III лица множ. ч., повидимому, оканчивалась въ прабалтійскомъ на -n (изъ праиндоевр. -nt; см. теперь IF XXXIII, 124 сл.), форма же «герундива»—на -nti (какъ

1) Meillet MSL XIX, 82 неправильно пишетъ *vartaĩ*.

показываетъ возвратная его форма на -ntis), а, во-вторыхъ, формальное совпаденіе этого «герундива» и III лица множ. ч., въ самомъ дѣлѣ, нисколько не было бы неудобно. Въ дѣйствительности, однако, Meillet, къ сожалѣнію, тутъ передаетъ мои мысли въ совершенно искаженномъ видѣ¹⁾; а это для меня тѣмъ непріятнѣе, что лишь немногіе читатели MSL захотятъ и смогутъ сличить сказанное Meillet съ подлинникомъ. Мною же было сказано, что старая форма III лица множ. ч. въ балтійскомъ была замѣнена формой III лица единств. ч. благодаря формальному совпаденію формы III лица множ. ч. съ формою имен. пад. множ. ч. муж. рода причастій наст. времени дѣйствительнаго залога съ основою на -nt, совпаденію крайне неудобному въ виду того, что указанная форма причастія въ балтійскихъ языкахъ употреблялась и употребляется въ косвенной рѣчи въ значеніи личной глагольной формы какъ особый *modus relativus* при передачѣ чужихъ словъ. Такъ, въ балтійскомъ праязыкѣ одинъ и тотъ же оборотъ, наприм., *jei *lāukan, значилъ и «они ждутъ» (если *lāukan служило формой III лица множ. ч.), и «говорятъ, что они ждутъ» (если *lāukan служило формой имен. п. множ. ч. причастія). Нужно было, значить, замѣнить двусмысленную форму III лица множ. ч. формой, свойственной исключительно изъявительному наклоненію, и замѣнили ее старой формой III лица единств. ч., о чемъ ср. «Славяно-балтійскіе этюды» 140.

Что же касается наконецнаго ударенія литовскихъ формъ вродѣ *dievaĩ*, то въ «Славяно-балтійскихъ этюдахъ» 139 я высказалъ предположеніе, что слова типа *dievaĩ* (ср. скр. *dēvá-h*) когда-то были *oxytona*,

1) Подобно этому Meillet Roczn. Slaw. V, 159 совершенно неправильно утверждаетъ, будто я держусь мнѣнія Микколы о полномъ тождествѣ лат. *quinque* съ др.-врх.-н. *funf*, и l. с. 161,—будто я ие въ лит. *sniėgas* и лтш. *sniėgs* «снѣгъ» возвожу неперемѣнно къ «старому» (т. е. унаслѣдованному тутъ изъ индоевропейскаго праязыка) *ei*, тогда какъ мною было сказано, что гораздо вѣроятнѣе считать *ei (откуда *ie*) въ этомъ словѣ возникшимъ взамѣнъ прабалт. *ai* подъ вліяніемъ *sneiga (откуда лит. *sniėga* и лтш. *sniėg*) «идеть снѣгъ»: ср. Lietuvių Tauta II, 287. — Теперь Meillet MSL XIX 191, правда, помѣстилъ поправку, указывая, что я говорилъ о совпаденіи III л. множ. ч. съ формою имен. п. множ. ч. муж. р. причастій наст. времени дѣйств. залога съ основою на -nt; но и тутъ онъ умалчиваетъ объ указанной мною въ Славяно-балт. этюдахъ 140 причинѣ неудобства такого совпаденія!

сохранившія во множ. числѣ старое окончное удареніе; въ объясненіи, значить, пуждается удареніе не множ. числа, но — единств. числа. Meillet же, отстаивая старое мнѣніе, будто -ai въ dievaĩ и др. первоначальное окончаніе средняго рода, сопоставляет MSL XIX, 81 лит. vākaras: vakaraĩ съ р. вѣчерь: вечера и др. Но если удареніе перенесено на -ai только благодаря тому, что это окончаніе средняго рода, то какъ же объяснить удареніе формъ типа bŭtai «домá» и tŭtai «мосты»? Отчего и эти формы не имѣютъ ударенія на конечномъ слогѣ? Meillet на этотъ вопросъ намъ отвѣта не даетъ; не видно даже, чтобы онъ себѣ самому поставилъ этотъ вопросъ.

Далѣе Meillet l. с. 81 сл. указываетъ на то, что лишь немногими примѣрами подтверждается мое мнѣніе о окончномъ удареніи словъ типа dievaĩ, приводитъ противорѣчащія примѣры и спрашиваетъ, почему только множественное число сохранило окончное удареніе. — Вѣрно то, что только путемъ сопоставленія съ родственными языками не можемъ доказать сохраненія въ балтійскихъ языкахъ стараго различія между охутона и бартюна. Изъ существительныхъ, приведенныхъ Куршатоу въ §§ 541 — 4 его грамматики, имѣютъ во множ. числѣ удареніе на концѣ или же на первомъ слогѣ согласно соответствующимъ формамъ родственныхъ языковъ, насколько вижу, лишь слѣдующія: лит. diėvas (dievaĩ) = скр. dēvá-ḥ; laũkas (laukaĩ) «поле» = скр. lōká-ḥ «свободное пространство, мѣсто»; puĩkas (pulkaĩ) «толпа», ср. окончное удареніе въ парадигмѣ р. полкъ; strāzdas (strasdaĩ) «дроздъ», ср. окончное удареніе въ парадигмѣ р. дроздъ; paĩšas (paĩšai) «боровъ» = гр. πόρκος и др.-врх.-н. farh «свинья»; rātas (rātai) «колесо» = скр. rátha-ḥ «колесница» (ср. также др.-врх.-н. rad ер. р. «колесо»); paũtas (paũtai) «яйцо» = скр. pŏta-ḥ «дѣтенышъ»; pādas (pādai) «подошва», ср. начальное удареніе въ парадигмѣ р. подъ; vāškas (vāškaĩ) «воскъ», ср. начальное удареніе въ парадигмѣ р. воскъ; dúmai, лтш. dūmi «дымъ», ср. начальное удареніе въ парадигмахъ р. дымъ и срб. дѣм. — Расходится же литовское удареніе съ удареніемъ родственныхъ языковъ въ слѣдующихъ формахъ: vŭgas (vŭgai), лтш. vīrs «мужъ»: скр. vīrá-ḥ; káulas (káulai), лтш. kaĩls «кость»: гр. καυλός «стебель»; véidas (veidaĩ) «лицо»: чак. vīd, род. п. vīda (см. Meillet Études sur l'étymologie et le

vocabulaire du vieux slave 223); *vīlka* (*vilkaī*) «волкъ»: скр. *vīka-h*, р. волкъ, род. п. вѡлка, срб. *vūk*, род. п. вѹка; *vaīnas* (*varnaī*) «воронъ»: р. вѡронъ, род. п. вѡрона; *rāgas* (*ragaī*) «рогъ»: р. рогъ, род. п. рѡга, срб. *rōg*, род. п. рѡга; *tākas* (*takaī*) «тропа»: р. токъ, род. п. тѡка; *draūgas* (*draugaī*) «товарищъ»: р. другъ, род. п. дрѹга, срб. *drūg*, род. п. дрѹга; *javaī* «хлѣбъ»: скр. *yáva-h*; *sakaī* «смола»: р. сокъ, род. п. сѡка, срб. *sōk*, род. п. сѡка. Что же касается *pištās* (*pištai*) «палецъ»: р. перстъ, род. п. перстá, то р. перстъ считается книжнымъ словомъ, и удареніе его расходится съ срб. *přst*, род. п. *přsta*, указывающимъ на акутъ, тогда какъ въ литовской формѣ (и въ лтш. *pirsts*) находимъ циркумфлексъ; а *sāpnas* (*sarnaī*) «сновидѣніе» относительно вокализма, можетъ быть, не соответствуетъ скр. *svárna-h*, ср. др.-исл. *svefn* и «Славяно-балтійскіе этюды» 91¹.

Но эти случаи различія въ удареніи также не опровергаютъ моего мнѣнія, что слова типа *dievaī* старья охутона. Можно указать три источника такого разногласія. Во-первыхъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, вѣроятно, имѣемъ дѣло съ различіемъ въ удареніи, восходящимъ, по крайней мѣрѣ, къ эпохѣ славяно-балтійской. Какъ извѣстно, вообще нерѣдко находимъ различіе въ мѣстѣ ударенія между санскритомъ и греческимъ съ одной стороны и славянскими и балтійскими языками съ другой стороны; наприм., лит. *avīs* «овца»: скр. *ávi-h* и гр. *ᾠς* (см. Meillet MSL XIX, 78); лит. *dūmai*, лтш. *dūmi*, р. дымъ, род. п. дѣма, срб. *dīm*, род. п. дѣма: скр. *dhūmá-h*, гр. *Θυμός* (см. Meillet l. c. 69 и 79); и иногда встрѣчается различіе также между греческимъ и санскритскимъ удареніемъ; наприм., гр. *ἄγρος*: скр. *ájra-h* (см. Meillet l. c. 79). А въ виду этого нѣтъ основанія думать, что во *всѣхъ* случаяхъ различія въ удареніи непременно литовскія формы являются новообразованіями; таковыми, по крайней мѣрѣ, не могутъ считаться тѣ литовскія формы, которыя относительно ударенія совпадаютъ съ латышскими (какъ *vūgai* и *káulai*).

Во-вторыхъ, если ужъ допустить съ Meillet l. c. 80 слл., что также въ прабалтійскомъ встрѣчалось явленіе, иллюстрированное, наприм., лат. *locus*: *losa* или р. домъ: *domà*, то ничто намъ не мѣшаетъ думать, что, наприм., лит. *javaī*, если удареніе скр. *yáva-h* древнѣе, возникло

путем контаминации форм *jāvaī (муж. р.) и *jāvā (средн. р), ср. наприм., русские дублиеты вроде годы и годá или гробы́ при гробы и гробá. А что въ балтійскомъ когда-то существовали формы средняго рода множ. ч. на -ā, это доказывается, кромѣ древнепрусскихъ формъ вроде austo «уста», wauto «ворота» и др., также литовскимъ нарѣчіемъ namōn «домой» (также namā въ Дусятахъ Лит. хрест. 367,5, 368,21, и въ Тверечѣ I. с. 379,4, 381,25), которое, какъ показываетъ синонимное namuosna, состоящее изъ вин. п. *namúos (откуда namūs) и постпозиции -na, еще заключаетъ въ себѣ старую форму средн. рода на -ā; о мѣнѣ интонаціи (namōn изъ *namōn) см. мой «Славяно-балтійскіе этюды» 144 сл. Эта же форма namōn показываетъ, что окончаніемъ средн. р. множ. ч. также въ литовскомъ было -ā, а не -ai.

А въ-третьихъ, нѣкоторые изъ противорѣчащихъ моему взгляду примѣровъ могутъ быть относительно мѣста ударенія поздними литовскими новообразованиями; такъ, наприм., окончное удареніе въ takaī по всей вѣроятности слѣдуетъ считать литовскимъ новшествомъ: такъ какъ отглагольныя существительныя типа tãkas повидимому имѣли первоначально удареніе на первомъ слогѣ, какъ это находимъ еще и въ славянскомъ и др. Колебанія въ удареніи, вѣдь, встрѣчаемъ также внутри славянскихъ языковъ; ср. наприм. формы род. п. русск. пѣда, срб. шток. пѣда (и лит. имен. п. pãdai): малор. подà, срб. чак. podà (ср. гр. πέδος: скр. padām) или русск. холмá при хѣлма, мостá при мѣста и др. или имен. п. множ. ч. волки при діал. (въ этим. слов. Преображенскаго) волкі и др. Въ литовскомъ же такого рода новообразования могутъ произойти тѣмъ легче, что удареніе словъ типа diēvas: dievaī и kėlmas: kelmaī различается отъ ударенія словъ типа rōnas: rōnai и tiltas: tiltai теперь только въ имен., род., дат., твор. и мѣстн. п. множ. ч. и дат. и твор. п. двойств. ч. Иногда находимъ въ литовскомъ при новомъ удареніи еще и старое; такъ, напр., tėvai «отцы» (= лтш. tēvi) ВВ XXV, 274 und KZ XLIV, 51 при tėvai у Куршата; bēržai (= лтш. bērzi) «березы» въ Перев. литовской грамм. Явниса 85¹ при bēržai у Куршата (последнее, быть можетъ, подъ влияніемъ формъ klišvaī «клены» и ažuolaī = лтш. užuoli «дубы»); kalnai (= лтш.

kaīni) «горы» у Куршата при kálnai Anykščiū šilēlis 1,68 и др.; еще другіе примѣры въ грамматикѣ Явниса 67.

Доказать же, что еще въ прабалтійскомъ часть основъ на -o имѣла окончечное удареніе также въ единственномъ числѣ, можно данными всѣхъ извѣстныхъ намъ балтійскихъ языковъ.

Относительно древнепрусскаго языка уже Фортунатовъ замѣтилъ ВВ XXII, 167 слл. (ср. также Hirt IF X, 36 сл.), что написанія nom. s. deiws, gen. s. deiwas, acc. s. deiwan, voc. s. deiwe, acc. pl. deiwans¹⁾ (а не *dēiws, *dēiwas, *dēiwan, *dēiwe, *dēiwans), nom. s. waix (3 ×), acc. s. waikan (2 ×), nom. pl. waikai (2 ×), dat. pl. waikammans (вмѣсто *wāix и т. д.), acc. s. wargan «зло» (часто; вмѣсто *wārgan) и др. указываютъ на окончечное удареніе этихъ основъ, ср. лит. diėvas (скр. dēvā-h): dievaī, vaikas: vaikaī, vaigas: vargaī (и срб. чак. gen. s. vrgāgà), и высказалъ предположеніе, что эти слова въ прабалтійскомъ еще были oxytona.

Въ латышскомъ языкѣ прерывистая интонація даетъ указанія на бывшее не начальное удареніе, такъ какъ она получалась при переносѣ ударенія съ конца или середины слова на такой начальный слогъ, который произносился съ акутомъ, тогда какъ длительная интонація слога показываетъ, что этотъ слогъ искони имѣлъ на себѣ удареніе. Но такъ какъ въ парадигмахъ съ бывшимъ подвижнымъ удареніемъ и съ акутованнымъ корнемъ впоследствии произошло обобщеніе прерывистой интонаціи, то существительныя, употребительныя въ обоихъ числахъ, не могутъ въ данномъ вопросѣ считаться доказательными: какъ, наприм., лит. galvā: gálvą теперь соответствуетъ лтш. galva: galvu (вмѣсто *galvu), такъ можно было бы допустить, что, наприм., лтш. uōds «комарь» возникло вмѣнъ *uōds (= лит. úodas) подь вліяніемъ множ. ч. uōdi = лит. uodaī. Но зато singularia tantum съ прерывистой интонаціей безусловно должны считаться за старыя oxytona. При этомъ gaūgs «дрожжи, закваска» лучше оставить въ сторонѣ, такъ какъ на его интонацію могли оказать вліяніе родственины съ нимъ глаголы gaūdzēt «кислить» и rūgt «бродить»; но совершенно изолированными, а поэтому

1) Формы этого слова встрѣчаются весьма часто.

и доказательными являются слова *ârs* (лит. *ôras*) «вишнее», *sêks* (лит. *šêkas*) «свѣжо-накошенная трава для корма», *zuôds* (лит. *žândas*) «подбородокъ» (отъ этого слова множ. число, правда, возможно, но если оно вообще употребляется, то во всякомъ случаѣ столь рѣдко, что интонація его не могла повліять на форму единст. числа), *sviêsts* (лит. *sviêstas*¹⁾ «масло» и *miêrs*²⁾ «миръ». Итакъ, наприм., лтш. *ârs* ясно показываетъ, что еще въ литовско-латышскомъ праязыкѣ имѣлись охутона вродѣ *ârâs, и что отсюда же получилось также — въ видѣ новообразованія — лит. *ôras*.

Послѣднее заключеніе поддерживается также данными самого литовскаго языка. Уже К. Буга отмѣтилъ *Aistiški Studijai* I 40 сл., что иллативы на *-an* отъ старыхъ охутона имѣютъ удареніе на концѣ, тогда какъ тѣ же формы отъ старыхъ *barytona* имѣютъ удареніе на первомъ слогѣ, и привелъ примѣры: *râtan* (ср. ном. пл. *râtai* и скр. *rátha-h*), *keliañ* (ср. ном. пл. *keliaĩ*) и *šienañ*.

Къ этимъ примѣрамъ могу прибавить тутъ еще слѣдующіе: *irklañ* Лит. слов. Юшк. подъ *irklas* (ср. instr. пл. *irkoaĩs* *ibid.*), *daržañ* Послѣсловіе къ слов. Юшк., стр. XXVI (ср. ном. пл. *daržaĩ*), *ogañ* Лит. хрест. 375,20 и 23 (ср. лтш. *ârs*), *galañ* l. c. 352,1 и 376,34 (ср. ном. пл. *galaĩ*), *veidañ* l. c. 352,32 (ср. ном. пл. *veidaĩ*), *urvañ*

1) Куршаты включают *sviêstas* въ группу *tiltas*: *tiltai*, но множ. ч. отъ *sviêstas* едва ли употребительно, а въ единст. ч. парадигма *tiltas* ничѣмъ не отличается отъ парадигмы *kélmās* (*kelmaĩ*).

2) Мнѣнію К. К. Буги Изв. XVII 1, 16, будто лтш. *miêrs* (и старолит. *miêras*) заимствовано изъ р. миръ, противорѣчатъ и удареніе (лтш. *miêrs* старое охутопон, тогда какъ р. миръ, род. п. *міра*, *barytonon*) и вокализмъ, такъ какъ р. и не передается черезъ балт. *ie*. Что касается слова *kreivs* «русскій», то его *-ie-* показываетъ, что знакомство латышей съ кривичами восходитъ къ эпохѣ, когда славяне вмѣсто *кри-* (въ кривичи) произносили еще или *krei-*, или же *krē* съ закрытымъ *ē* (переходной ступенью отъ *ei* къ *i*); къ эпохѣ съ *ē* изъ *ei*, вѣроятно, относятся и финскія заимствованія вродѣ *viekuri* «вихорь» и *mieliu* «милъ» (въ качествѣ переходной ступени между *ei* и *i* находимъ *ē* также въ латинскомъ). Подобно этому литовско-латышское и финское *uo*, соответствующее въ заимствованіяхъ русск. *у* (изъ праслав. *ou* *ū* и *o*), восходитъ къ эпохѣ, когда вмѣсто *ū* еще произносилось закрытое *ō*, переходная ступень отъ *ou* или *o* къ *ū*. Финск. же и лит. *up* (въ заимствованіяхъ изъ русск. яз.) не предполагаетъ обязательно прарусск. *up*, но могло получиться изъ закрытаго *op*.

l. c. 353,31 (ep. gen. pl. *urvū* l. c. 353,29), *kraštañ* l. c. 362,28 (ep. nom. pl. *kraštaĩ*), *grūdañ* l. c. 373,30 (ep. nom. pl. *grūdaĩ*), *kiemañ* l. c. 379,10 (ep. nom. pl. *kiemaĩ*), *vardañ* l. c. 353,28 (ep. nom. pl. *vardaĩ*), *vēderañ* l. c. 378,42 (ep. nom. pl. *vēderaĩ* и лтш. *vēders* или *vēdars*), *klanañ* Anyk. šil. 335 (ep. nom. pl. *klanaĩ*), *miškañ* l. c. 20 (ep. nom. pl. *miškaĩ* l. c. 218 и 320, gen. pl. *miškū* 310, instr. pl. *miškaĩs* 315); *šónan* Лит. хрест. 370,6 и 383,1 (ep. nom. pl. *šónai* и лтш. *sāni*), *miēstan* l. c. 371,7 (ep. nom. pl. *miēstai*), *dvāran* l. c. 377,33, 378,40, 399,4 (ep. nom. pl. *dvārai*), *krúman* l. c. 388,25 (ep. nom. pl. *krúmai* = лтш. *krūmi*), *tvártan* l. c. 377,34 и 378,41 (ep. nom. pl. *tvártai*). И такъ, правило тутъ ясно обнаруживается (такъ какъ въ единственномъ числѣ акцентация старыхъ *oxytona* и *barytona* теперь совершенно одинакова, то рѣдкія исключенія не удивительны; мною отмѣчены лишь слѣдующіе случаи: *laūkan* Лит. хрест. 376,30 при правильномъ *laukañ* l. c. 379,29 и 401,33, ep. nom. pl. *laukaĩ*, *raīstan* l. c. 352,21, ep. gen. pl. *raistū* Anyk. šil. 217, но также *raīstai* РФВ LXVI 238, и *medžiañ* An. š. 76, ep. gen. pl. *mēdžiū* l. c. 81). И если различіе, наприм., между *kiemañ* и *dvāran*¹⁾ можно было бы, пожалуй, объяснять вліяніемъ формъ множ. ч. (*kiemaĩ* и *dvārai*), хотя такое объясненіе было бы сомнительно, то ужъ во всякомъ случаѣ *ogañ* — отъ *singulare tantum óras* — понятно лишь какъ падежная форма стараго *oràs = лтш. *ārs*.

Что касается ставшаго нарѣчіемъ мѣсти. пад. *pamiē* (при *pamiēri*, наприм., Лит. хрест. 391,36), то его удареніе (ep. nom. pl. *pamaĩ*) въ данномъ вопросѣ не можетъ считаться доказательнымъ, такъ какъ адвербіально употребляемыя падежныя формы иногда отличаются особымъ удареніемъ, ср., наприм., Brugmann Grdr. II², 676. То же самое слѣдуетъ сказать о формахъ вродѣ *pamóri* Лит. хрест. 389,21, *dievõr*, *galõr*, *velniõr*, *vakarõr* у Куршата Gramm. § 1477: формы *Kristaũspi* (при *Kristaus*) и *mūsuĩpi* (при *mūsū*) *ibid.* указываютъ на переносъ ударенія на слогъ, предшествующій постпозиціи *-pi*.

1) Слѣдуетъ отмѣтить, что это различіе въ акцентуаціи формъ на *-a*п сохранилось не вездѣ: въ прусской Литвѣ, гдѣ эти формы почти вышли изъ употребленія, говорятъ (см. Kurschat Gramm. § 1488) *vaĩdan* и *laūkan*.

Считаю не лишнимъ привлечь тутъ также акцентуацію литовскихъ прилагательныхъ. Какъ въ склоненіи существительныхъ находимъ, наприм., ном. s. *diėvas* при ном. pl. *dievaĩ*, такъ и въ склоненіи прилагательныхъ находимъ, наприм., ном. s. *gėras*, *minkštas* при ном. pl. *geri*, *minkšti*, а между тѣмъ -i въ *geri*, *minkšti* никѣмъ не считается за окончаніе средняго рода, значить, также акцентуація типа *diėvas: dievaĩ* ничего не говоритъ въ пользу того, будто -aĩ въ *dievaĩ* и др. старое окончаніе средняго рода. — Въ литовскомъ нарѣчій, представленномъ грамматикой Куршата, теперь въ склоненіи прилагательныхъ совершенно утрачено старое различіе между *oxytona* и *barytona*; но въ говорѣ Даукши, повидимому, еще сохранились значительные слѣды этого различія (см. KZ XLIV 52 сл.), и на это же различіе указываютъ и данныя латышскаго языка, ср. *aũgsts* «высокій», *dzīvs* «живой» (скр. *jīvā-h*), *jaūns* «молодой, новый», *karšts* «горячій», *ciēts* «твердый», *mīksts* «мягкій», *puõgs* «нагой», *plāns* «тонкій», *šķīsts* «жидкій», *saļts* «холодный», *sīksts* «скупоій» и др. съ одной стороны, и *aũksts* «холодный», *baļts* «бѣлый», *bērs* «гнидой», *iļgs* «долгий», *caũrs* «дырявый», *piļns* «полный», *sũrs* «горькій» и др. съ другой стороны.

Итакъ, послѣ всего предыдущаго ясно, что слѣдуетъ ставить вопросъ не о томъ, отчего, наприм., при ном. s. *diėvas* имѣется ном. pl. *dievaĩ* (какъ это дѣлаетъ Meillet), но отчего при ном. pl. *dievaĩ* находимъ ном. s. *diėvas* (а не *dievās), какъ это дѣлали столь отличные знатоки литовскаго языка, какъ покойные Ф. Θ. Фортунатовъ и К. Явнисъ. Изъ нихъ первый, къ сожалѣнію, не успѣлъ, — по крайней мѣрѣ, публично, — высказаться о замѣнѣ *dievās черезъ *diėvas*. Да и Явнисъ (см. *Būga Aistiški Studijai* 41) предложилъ лишь объясненіе того факта, что, наприм., въ Велѣнскомъ говорѣ при формахъ типа *rāts* и *diėvs* находятъ рядомъ также полныя формы *rātas* и *diėvas*: по его мнѣнію еще въ томъ нарѣчій литовскаго праязыка, откуда ведетъ свое начало Велѣнскій говоръ, имѣлись рядомъ формы типа *rātas и **dievās*¹⁾; изъ

1) Въ пользу этого Явнисъ (у Буги l. с. 40 сл.) приводитъ формы *kitasai* (при *kitas*), *añtrasai* (ср. гот. *anþar*) съ одной стороны и формы *anasaĩ* (при *anàs*) и *gyvasaĩ* (ср. лтш. *dzīvs*, скр. *jīvā-h* «живой») съ другой стороны.

*rātas потомъ получилось rāts, когда еще говорили *dievās, которое потомъ уже было замѣнено черезъ diēvas; а затѣмъ подь вліаніемъ diēvas возникло рядомъ съ rāts и rātas, и подь вліаніемъ rāts — рядомъ съ diēvas и diēvs.—И я склоненъ думать, что была когда-то эпоха, когда имѣлись рядомъ формы типа rāts и *dievās. Подь вліаніемъ rāts могло, по моему, уже рядомъ съ *dievās, пожалуй, возникнуть и diēvs (подобно этому, пожалуй, также instr. pl. mergōms — при mergomīs — подь вліаніемъ gañkoms съ -ms изъ -mis, и подь вліаніемъ mergomīs, можетъ быть, возстановлено и gañkomīs); а какъ затѣмъ вмѣсто *dievās возникло diēvas, едва-ли возможно достоверно установить. Позволю себѣ тутъ высказать нѣсколько догадокъ по этому вопросу. Если рядомъ съ rāts произносилась еще и старая форма *rātas > rātas, то, пожалуй, diēvas (вмѣсто *dievās): diēvs = *rātas: rāts, или же diēvas представляетъ собою контаминацію формъ diēvs и *dievās (въ этомъ случаѣ трехсложныя формы типа eīžilas > eīžils вм. *eržilās или *eržiis могли получиться лишь послѣ возникновенія двухсложныхъ формъ типа diēvas; nom. eīžilas: acc. eīžilā съ пралитовскимъ начальнымъ удареніемъ = nom. diēvas: acc. diēva). Распространенію diēvas на счетъ *dievās могло, пожалуй, содѣйствовать также употребленіе формы на -as также въ значеніи звательнаго падежа (зват. п. основъ на -o теперь въ литовскомъ всегда имѣетъ форму имен. п. въ склоненіи прилагательныхъ, а кое-гдѣ также въ склоненіи существительныхъ, ср. rōns kùnigs! у Куршата Gramm. § 500), такъ какъ въ формахъ зват. пад. иногда находимъ переносъ ударенія на начальный слогъ слова (ср. voc. pl. vaīkaī при nom. pl. vaikaī у Шлейхера Handb. d. lit Spr. II 347, voc. s. mérga при nom. s. mergà l. e. I 178, sūnait, sūnel, meīgaites при nom. sūnāitis, sūnēlis, mergāitēs у Буги Kalbos dalykai 9, Māriuk при nom. Mariukà и др. у Лескина и Бругмана Lit. Volksl. u. Märch. 299); но само возникновеніе и полное обобщеніе типа diēvas (взамѣнъ *dievās) не можетъ быть объяснено

Можно бы прибавить bāltasai Anyk. šil. 68 (ср. bāltumas KZ XLIV, 52 и лтш. baīts) и jaunaseī Лит. хрест. 390,16 (ср. лтш. ja ūns). Но есть и формы, кажется, противорѣчащія. pirmasai Лит. хрест. 350,33, 367,31, 368,4 (ср. лтш. діал. piī mais) и šviīntasai l. e. 374,15 (ср. KZ XLIV, 55 и р. святѣй).

однимъ влияніемъ начального ударенія въ зват. п., какъ показываютъ формы имен. п. (на -a, -ē, -uo, -ai) съ сохранившимся наконецнымъ удареніемъ.

Но не противорѣчитъ ли мнѣнію, что замѣна *dievās черезъ diēvas обусловлена возникновеніемъ сокращенной формы diēvs, то обстоятельство, что въ нѣкоторыхъ литовскихъ говорахъ извѣстны только формы на -as (наприм., rātas, diēvas, а не rāts, diēvs; ср., наприм., Gau-thiot, Le parler de Buividze 34)? Оно безусловно противорѣчило бы, если бы въ говорахъ, знающихъ теперь только полное окончаніе -as, и раньше никогда не существовало сокращенное окончаніе -s. Но полной увѣренности въ этомъ у меня нѣтъ. Вѣдь, сокращенныя формы вродѣ dievs встрѣчаются уже въ древнѣйшихъ памятникахъ 16-го вѣка; и тоже формы вродѣ rāts и dvārs (при rātas и dvāras съ долгимъ ā), восходящія непосредственно къ *rātas и *dvārs изъ *dvāras (ср. формы вродѣ rōns изъ rōnas!), показываютъ, что сокращеніе -as въ -s произошло еще въ то отдаленное время, когда ā еще не измѣнилось въ ā̄. А если, значить, формы типа rāts отличаются нѣкоторою древностью, то ужъ а priori хотѣлось бы считать ихъ общелитовскими. И какъ при колебаніи между diēvas и diēvs въ части говоровъ обобщенъ типъ diēvs, такъ, пожалуй, въ другой части говоровъ могло произойти обобщеніе типа diēvas.

Но какъ бы ни смотрѣть на возникновеніе типа diēvas замѣнъ *dievās, удареніе прилагательныхъ вродѣ gerāsis «хорошіи» (рядомъ съ ген. s. gērojo и асс. s. gērājī) даетъ нѣкоторое основаніе думать, что изъ надежей единств. числа имен. п. сравнительно долго удерживалъ наконецное удареніе (ср. Hirt, Der indogerm. Akzent 97). Если бы различіе въ мѣстѣ ударенія между gēras и gerāsis было обусловлено присоединеніемъ къ gēras энклитическаго мѣстоименія (ср. вышеупомянутое mūsūpri при mūsū), то ожидалось бы тоже формы вродѣ ген. s. *gerōjo (вм. gērojo) и асс. s. *gerājī (вм. gērājī); а поэтому думаю, что возникновеніе типа gerāsis относится къ тому времени, когда еще имѣлись формы имен. п. единств. ч. прилагательныхъ съ удареніемъ на -as. Если это вѣрно, то первоначально имѣлись, должно быть, рядомъ формы вродѣ *bāltasis (ср. вышеупомянутое bāltasai и лит. bālts) и формы вродѣ jaunāsis

(ср. вышеупомянутое *jaunaseī* и лит. *jaūns*), а затѣмъ, послѣ замѣны типа **jaunàs* черезъ *jaūnas* и обобщенія типа *báltas*, могло произойти обобщеніе типа *jaunàsis*. Приведенное Куршатовъ § 966 *mielasis* «мильй», употребляемое по преимуществу въ качествѣ зват. пад., скорѣе имѣеть свойственное зват. падежу, чѣмъ старое (не перенесенное на второй слогъ) начальное удареніе, хотя *mielas*, повидимому, старое *barytonon*, ср. KZ XLIV, 54 и восточнолит. (въ Дагдѣ и др.) *mīls* «миль», которое можетъ восходить къ **miēls*. — Что же касается краткости а въ *geràsis*, *jaunàsis* и др., то возможно думать, что въ эпоху возникновенія *ā* изъ *à* -*is* еще не успѣло окончательно слиться съ предшествующимъ ему прилагательнымъ въ одно слово (ср. *gen. s. paioprasta* «привычнаго» вм. *paoprastojo* и др. въ «Славяно-балтійскихъ этюдахъ» 134), въ конечныхъ же слогахъ *à* не измѣняется въ *ā* (ср. *Leskien IFA XIII 97*). Въ такомъ случаѣ нѣтъ надобности возводить съ Явнисомъ (Гуковскій, Поневъжскій уѣздъ 144) *geràsis* къ болѣе древней формѣ съ удареніемъ на третьемъ съ начала слогѣ; да и отчего бы только въ *nom. s. masc. g.* удареніе было перенесено съ прилагательнаго на мѣстоименную форму? — Въ жемайтскомъ же нарѣчій, кажется, произошло обобщеніе типа **báltasis*; вмѣсто *geràsis* тамъ находимъ *gēràsis* съ главнымъ удареніемъ на первомъ и второстепеннымъ удареніемъ на второмъ слогѣ; *ē* тутъ = долговатое *e* съ «сильноконечной» интонаціей, а *ā* = долгое *a* съ «сильносрединной» интонаціей (тогда какъ въ формѣ неопредѣленной, напр., въ *māžas ā* = долговатое *a* съ «сильносрединной» интонаціей); см. указанія Явниса I. с. 114 слл. Второстепенное удареніе на второмъ слогѣ находимъ въ жемайтскомъ нарѣчій также въ род., дат. и вин. п. единств. ч. членныхъ прилагательныхъ, см. I. с. 101 сл. и грамм. Явниса стр. 113.

А раньше всего установилось начальное удареніе, вѣроятно, въ вин. пад. единств. ч.: въ литовскомъ именномъ склоненіи, какъ извѣстно, удареніе теперь никогда не падаетъ на окончаніе вин. п. единств. ч. По крайней мѣрѣ, отчасти это же явленіе находимъ и въ славянскомъ, гдѣ, однако, можемъ судить только объ акцентуаціи вин. п. единств. ч. основъ на -*ā*; и вотъ, наприм., лит. *nom. s. barzdà* (*gen. s. barzdōs*): *acc. s. baĩzda* = р. борода: бороду, срб. бра̀да: бра̀ду (ср. Мейе, Введение

въ сравн. грамм. индо-евр. яз. ² 287), по р. жену́, срб. жèну и др. имѣють окончное удареніе. Это отсутствіе ударенія на окончаніи винит. п. единств. ч., можетъ быть, объясняется тѣмъ (ср. Hirt, Der indog. Akzent, стр. 211), что въ балтійскихъ (и славянскихъ) языкахъ окончаніе вин. п. единств. ч. основъ на -i фонетически совпало съ окончаніемъ того же падежа основъ на согласный, которыя впоследствии, по большей части, измѣнились въ основы на -i; а асс. s. односложныхъ основъ на согласный, какъ показываютъ санскритъ и греческій языкъ, имѣль удареніе всегда на корневомъ слогѣ ¹⁾). Послѣ частичнаго преобразованія основъ на согласный въ основы на -i эта особенность въ акцентуаціи асс. s. могла быть перенесена и на основы на -i, а оттуда далѣе на основы на -u и на основы на -jo съ асс. s. на -i, пока, наконецъ, этотъ процессъ не кончился обобщеніемъ неударяемости окончанія асс. s. — Когда-то, повидимому, въ балтійскихъ языкахъ отсутствовало удареніе также на окончаніи вин. п. множ. ч.: ср. лит. формы асс. pl. типа kótus (при nom. pl. kotaĩ), žalcius (при nom. pl. žalciaĩ), āšakas (при nom. s. ašakà), giesmes (при nom. s. giesmē), širdis (при nom. s. širdis), sūnus (при nom. s. sūnūs), ākmenis (при gen. s. akmeñš), minkštus (при nom. pl. minkštī), minkštas (при nom. s. minkštà), показывающія, что лит. формы типа kraštūs, butūs, gaidžiūs, mergàs, žodžiūs, rankàs, katès, šventès, vagis, naktis, dangūs, gerūs, geràs получились, согласно извѣстному правилу о переносѣ ударенія, изъ соответствующихъ прабалтійскихъ формъ съ удареніемъ на первомъ слогѣ (ср. Bezzenberger BB XXI, 294 сл. и Meillet MSL XIX, 67 сл. и 72), и пр. gānkans «руки» и āusins «уши». Отчасти находимъ то же явленіе и въ славянскомъ, ср., наприм., р. вин. п. множ. ч. рѹки, стѣны, нѹчи и др. — Полезно и тутъ припомнить, что въ греческомъ въ асс. pl. односложныхъ основъ на согласный удареніе всегда падаетъ на корневой слогъ (ср. также Hirt, Der indog. Akzent, стр. 208), и что въ балтійскомъ (и славянскомъ) окончаніе асс. pl. основъ на согласный фонетически совпало съ окончаніемъ асс. pl. основъ на -i. — Такъ какъ въ санскритѣ и въ гре-

1) Какъ указалъ Мейе l. с. 282, лит. асс. s. žāšī: gen. pl. žāšū = гр. асс. s. χῆναι: gen. pl. χηνῶν. Ср. также Мейе l. с. 284.

чексомъ также въ винит. п. (служащемъ и въ значеніи имен. п.) *двойств.* ч. въ односложныхъ основахъ на согласный удареніе падаетъ на корневой слогъ, то послѣ всего выше сказаннаго неудивительно, что въ литовскомъ находимъ обобщеніе неударяемости окончанія винит. п. также въ двойств. ч. (гдѣ форма винит. п. употребляется также въ значеніи имен. п.); ср. формы типа *kótu, žalčiu, žmóni* (при пом. s. *žmonà*), *gíesmi, širdi, sūnu, minkštu*¹⁾, *minkšti*, показывающія, что также формы типа *kraštù, butù, gaidžiù, žodžiù, mergì, rankì, katì, šventì, naktì, dangù* восходятъ къ формамъ съ удареніемъ на первомъ слогѣ.

Нѣкоторою древностью, вѣроятно, отличается также литовская неударяемость окончанія дат. п. единств. ч., которую тамъ находимъ въ парадигмахъ всѣхъ основъ; это же явленіе, вѣдь, извѣстно отчасти и въ славянскомъ, ср., наприм., срб. шток. дат. п. глави при мѣстн. п. глави (слово же это старое *oxytonon*, какъ показываютъ парадигмы лит. *galvà, лтш. galva* и пр. *gallū*), и р. діал. (у Чернышева, Русское удареніе 59 сл.) къ зймѣ (что зймá старое *oxytonon*, показываетъ парадигма лит. *žiemà, ген. s. žiemõs*). Возникло это явленіе, можетъ быть, слѣдующимъ образомъ. Данныя славянскихъ языковъ показываютъ, что окончаніе loc. s. основъ на *-i, -u* и *-ā* произносилось съ акутомъ (утвержденіе же Бругмана Grdr. II² 2, 180 сл., будто loc. s. основъ на *-ā* оканчивался на *-āĩ*, слѣдуетъ считать совершенно безпочвеннымъ, такъ какъ греческія формы вродѣ *Ἐεῖ* такіе же дат. надежи, какъ, наприм., *Ἐεῖ*). Можно, значить, думать, что когда-то въ литовскомъ, послѣ обобщенія неударяемости окончанія асс. s., имѣлись рядомъ парадигмы типа loc. s. **rankāĩ* (изъ **raĩnkāĩ* въ силу правила о переносѣ ударенія съ циркумфлектированнаго слога на слѣдующій за нимъ акутиро-

1) Членная форма *minkštúoju-du* (ср. Kurschat Gramm. § 930) вм. **minkštuoju-du*, вѣроятно, подъ вліяніемъ формъ типа *gerúoju-du*. Подобно этому асс. pl. *minkštúosius* (Kurschat l. c. и Schleicher Lit. Gramm., стр. 209), тогда какъ l. c. § 960 Куршаты даетъ *minkštuosius* и *minkštásias* (у Шлейхера же l. c. *minkštásias*); то же колебаніе и въ instr. v. Акцентуація же нечленныхъ формъ *minkštu* (при *gerù*), *minkštus* (при *gerùs*), *minkštas* (при *geràs*) и др. поддерживалась акцентуаціей существительныхъ типа *kótu, kótus, žmónas* и др.

ванный слогъ), acc. s. *rañkān и dat. s. *rañkāḅ (старое barytonon) и типа loc. s. *mergāi, acc. s. *meĩgān и dat. s. *mergāi¹) (старое oxytonon), послѣ чего, пожалуй, въ виду одинаковой акцентуаціи въ loc. и acc. s., могло возникнуть въ дат. пад. *meĩgāḅ подѣ вліяніемъ *rañkāi.

Сходное же явленіе могло имѣть мѣсто также въ склоненіи основъ на -i и на -u. А изъ этихъ основъ неударяемость окончанія dat. s. могла затѣмъ проникнуть и въ основы на -o²).

Также въ instr. s. неударяемость окончанія (ср. kótu, žálėiu, eĩžilu, mĩnkštu, žmóna, āšaka, mĩnkšta, giesme, показывающія, что и въ kraštù, butù, gaidžiù, žodžiù, gerù, mergà, rankà, gerà, katè, šventè удареніе когда-то падало на начальный слогъ) свойственна не только основамъ на -o, но и основамъ на -ā и -ē, ср. Meillet MSL XIX, 68 и 71. Можетъ быть, и тутъ начальное удареніе древнѣе въ формахъ основъ на -ā и -ē, чѣмъ въ формахъ основъ на -o. Не возникло ли, наприм., *mĩnkštā (откуда instr. s. mĩnkšta) взамѣнъ *mĩnkštā благодаря тому, что это же самое *mĩnkštā какъ acc. s. было измѣнено въ *mĩnkštā? Впослѣдствіи въ балтійскомъ и славянскомъ старое -ān въ acc. s. (ср. гр. θεός и др.) было замѣнено черезъ -ān, должно быть, подѣ вліяніемъ циркумфлектированного исхода (-ān, -ēn, -iñ, -uñ) acc. s. прочихъ основъ (въ acc. pl. окончаніе всѣхъ основъ одинаково произносилось съ акутомъ).

Въ родительномъ же пад. ед. ч. неударяемость окончанія является специально литовской (едва-ли общебалтійской) особенностью основъ на -o, возникновеніе которой для меня не ясно. То же самое приходится сказать о литовскомъ loc. s. основъ на -o, если формы типа kóte не являются поздними новообразованіями, возникшими вмѣсто *kotè и др. подѣ вліяніемъ формъ баритоннаго типа tilte (иначе на основаніи kóte

1) Діал. dat. s. gerái (у Барановскаго Зам. 62 и Юшкевича подѣ istabùs; ср. также jái и tái въ Послѣсловіи къ Юшк. стр. LIII), можетъ быть, подѣ вліяніемъ формы муж. р. gerám.

2) Теперешнее различіе въ удареніи loc. s. между mergojè и rañkoje не мѣшаетъ предполагать loc. s. *rañkái, такъ какъ rañkoje (при mergojè) могло потомъ возникнуть (взамѣнъ *rañkojè) подѣ вліяніемъ loc. pl. rañkose (при mergosè) вм. *rañkosu.

слѣдуетъ думать, что и формы типа *kraštè* когда-то имѣли удареніе на первомъ слогѣ).

Что же касается зват. п. ед. ч., то формы типа *kóte* (при *butè*) какъ будто указываютъ на начальное удареніе съ акутованнымъ *-ē* въ исходѣ (значить, наприм., *kraštè*, *butè* изъ **kraštē*, **būtē*); и нѣкоторые ученые, дѣйствительно, такъ на это смотрятъ, ср. наприм., Мейе, Введ. въ сравн. гр. индо-евр. яз. ² 288. Я, однако, склоненъ считать такое заключеніе слишкомъ поспѣшнымъ. Слѣдуетъ тутъ вспомнить, во-первыхъ, что Klein въ своей грамматикѣ различалъ voc. s. *rōne* отъ loc. s. *ronè* (см. Bezenberger Beitr. z. Gesch. d. lit. Spr. 123. Во-вторыхъ, самъ Куршъ, согласно сообщенію Бенценбергера Lit. Forsch. VIII¹, въ своихъ проповѣдяхъ произносилъ *rōne*, *diēve*. И BV XXI, 294² говоритъ Бенценбергеръ, что изъ словъ, имѣющихъ по грамматикѣ Куршата въ зват. п. удареніе на концѣ, дѣйствительно употребляются въ зват. п. лишь весьма немногія, «und unter diesen wird man wohl nur *dēwas*, und dieses auch *nur bei emphatischem gebrauch*, im vocativ mit endbetonung hören. Da ausserdem die betonung *pōne* von Klein Grammat. lituan. s. 39 für den vocativ vorgeschrieben ist und zu den vocativen *kēlme*, *eřzile* (die *kēlmè*, *erzīlè* lauten könnten und würden, wenn *ponè* ursprünglich wäre) stimmt, so ist in Kurschats betonungstabellen § 536, I ~ ~ für das vocativische *~* zu setzen». Далѣе Куршъ Gramm. § 515 сообщаетъ, что отъ *vėlnias* (plur. *velniaĩ*) voc. s. имѣетъ форму *vėlne* или также *velnè*. Затѣмъ и Шлейхеръ Lit. Gramm. стр. 175 и Куршъ I. c. § 515 отмѣчаютъ, что форма voc. s. мало употребительна, да и то, согласно Куршату I. c. § 499, «der Voc. Sing. der zweisylbigen Vornamen, so wie der öfter in der Anrede vorkommenden Substantiva hat zur Endung *-ai* statt *-e*». Въ виду всего этого я считаю болѣе правдоподобнымъ, что формы типа *diēve* (при nom. pl. *dievaĩ*) и *velnè* (при nom. pl. *velniaĩ*) старья oxytona; формы же *diēve* (при *dievè*) и *vėlne* (при *velnè*): nom. s. **diēvās* (ср. nom. pl. *dievaĩ*) и **velniās* (ср. nom. pl. *velniaĩ*) = скр. voc. s. *dēva*; nom. s. *dēvā-h* и гр. voc. s. *ἄδελφε*; nom. s. *ἄδελφός*.

Выше мною уже было указано, что и въ другихъ случаяхъ въ литовскомъ встрѣчаемъ въ зват. п. начальное удареніе при окончномъ

удареніи соотвѣтствующаго имен. п.; ср. еще vocat. du. gēgu rōni (при nom. du. gerū rōnū) у Шлейхера l. c. стр. 203 (изъ грамматики Mielske). Съ другой стороны, правильными слѣдуетъ считать формы типа rōne и vūge (ср. nom. pl. rōnai и vūgai); а затѣмъ, подъ влияніемъ колебанія между формами вродѣ diēvè и diēve, рядомъ съ rōne могло возникнуть и rōnè (если дѣйствительно встрѣчается форма съ такимъ удареніемъ), тѣмъ болѣе что остальные падежи ед. ч. словъ rōnas и diēvas теперь имѣютъ совершенно одинаковую интонацію, и такъ какъ форма voc. s. на -е вообще мало употребительна (какъ разъ отъ rōnas Куршаты l. c. § 500 приводятъ также rōns въ качествѣ зват. п.); все выше сказанное позволяетъ думать, что данное Куршатамъ правило объ удареніи voc. s. на -е не свободно отъ нѣкоторой схематизаціи.

Скорѣе на индоевр. -е, чѣмъ на -é, указываютъ также формы зват. п. съ отпавшимъ -е вродѣ rōn у Шлейхера l. c. стр. 175, *Dóvud* и др. у Куршата l. c. § 499.

И. Эндзелинь.

Харьковъ.